

О СОВРЕМЕННЫХ СИМВОЛАХ ЭТНИЧНОСТИ ДАГЕСТАНЦЕВ

Трансформация базовых свойств этноса (например, языка, обычаев, традиционного этикета) не обязательно ведет к утере этничности, падению народной нравственности и т.п. Как замечено исследователями, этническое сознание обладает компенсаторными функциями, выражающимися в усилении значимости «второстепенных», суррогатных этнических маркеров.

Хотя подлинным выразителем этничности принято считать народ, на практике такая роль в основном принадлежит социально организованным группам и отдельными индивидуумам. Сегодня культурная идентичность со «своим» народом, знание родного языка или соблюдение традиционной этики и т.д. имеет в глазах многих дагестанских обывателей значение, куда менее важное, чем демонстрация материального благосостояния, показная набожность или громкие заявления об озабоченности «судьбой народа». Абсолютное большинство правящей элиты республики, начиная от глав сельских администраций и кончая первыми лицами в правительстве, не выступают, а многие и не умеют выступать на собраниях на родном языке.

В условиях системной трансформации социально-экономических отношений информационно-финансовое обеспечение «этничности» стало приобретать значение, куда более важное, чем сама этничность и ее языковые, культурно-бытовые, духовно-интеллектуальные основания и составляющие. Внешние маркеры и атрибуты этнической принадлежности легче обретают знаковый смысл, проще «прочитываются», быстрее воспринимаются и осваиваются. Так, в Дагестане среди «предводителей» этнических фронтов и движений 1990-х гг., призванных к возрождению национальных языков, никто, кроме председателя кумыкского движения «Тенглик» филолога С. Алиева, не мог толком изъясняться на родном языке.

Отступление от народных традиций преподносится социально продвинутыми или материально преуспевающими слоями населения как своего рода «эталон поведения», до которого (сознательно или по неведению) пытается «подтянуться» и остальная масса обывателей.

Смысловой и эмоциональной переоценке подвергаются и этнокультурные особенности, объективные основания и компоненты этнического самосознания. Для характеристики этого явления современные исследователи используют актуальный в западной, и, прежде всего,

в американской культурной антропологии термин “search of identity” (поиск идентичности).

Применительно к Дагестану диапазон этого поиска можно очертить вокруг нескольких уровней (планетарный, мировой, российский, северокавказский, дагестанский, этнический, субэтнический, джамататский, тухумный), в которых каждая личность пытается найти «связующие звенья» и родственные ниши. Думается, что не для всех дагестанцев «поиск идентичности» актуален, так как многие из них ее, собственно говоря, и не теряли.

М.Ш. Ризаханова

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЯЗЫКА И ПИСЬМЕННОСТИ ЛЕЗГИН

В научной и пропагандистской литературе до недавнего времени существовало мнение, что лезгины, как и другие народы Дагестана, до распространения арабской грамоты не имели собственной письменности и литературы. Однако исследования ученых показали, что истоки письменности лезгин восходят к глубине веков. Так, по сведениям ряда ученых, албанский алфавит, созданный Месропом Маштоцом (361–440 гг. н.э.) имел широкое распространение и в Южном Дагестане (Агаев 1992: 28–37; Гульмагомедов: 6–12; Ризвановы 1990: 8; Тревер 1957: 307–313). По предположению исследователей, этот алфавит создан на основе гаргарского языка, который был богат гортанными звуками, и насчитывал 52 буквы. По другим источникам, Маштоц не создал, а восстановил и усовершенствовал албанский алфавит. Так, биограф Маштоца — армянский писатель V в. Корюн сообщает, что Месроп Маштоц, придя в 415 году «в страну албанов, возобновил их алфавит, содействовал возрождению научных знаний и, оставив у них также наставников, вернулся в Армению» (цит. по: Абдурагимов 1995: 29).

Особую страницу в историю культуры лезгин внесла арабская литература, арабский язык и письменность, получившие широкое распространение с проникновением ислама в Дагестан (VII в. н.э.). Известно,